

**«БАЙРОНИСТ» ИЛИ «БАЙРОИСТВУЮЩИЙ»?
РОМАНТИЗМ А. С. ПУШКИНА В ОЦЕНКЕ В. Д. СПАСОВИЧА**

Чернова Мария Станиславовна

доцент кафедры литературы и межкультурных коммуникаций
учреждения образования «Могилевский государственный университет
имени А.А. Кулешова»; кандидат филологических наук, доцент
(г. Могилев, Беларусь)
chernova@msu.by

В статье рассматриваются лекции-статьи об А. С. Пушкине выдающегося адвоката, публициста и филолога В. Д. Спасовича. Анализируются его суждения о мировоззрении и творчестве поэта романтического периода, связанного с эстетическим влиянием Дж. Г. Байрона. Доказывается, что байронизм А. С. Пушкина явился для В. Д. Спасовича основой исследования национальных особенностей русского романтизма в европейском контексте.

В. Д. Спасович (1829–1906), уроженец Беларуси, никогда не разрывавший свою связь с белорусскими и польскими культурными и семейными корнями, являлся заметной фигурой в русской общественной и литературной жизни, став не только выдающимся адвокатом, но и талантливым филологом. Спасович был постоянным сотрудником журнала «Вестник Европы» и одно время даже возглавлял в нем отдел критики и библиографии. Ему принадлежали многочисленные труды по истории русской, польской и западноевропейской литературы, а его филологические суждения вызывали отклики у представителей различных литературно-критических направле-

ний и литературоведческих школ. Однако эта сторона деятельности Спасовича оказалась незаслуженно забытой и до сих пор остается неизученной.

Наиболее существенную часть его историко-литературного наследия составили лекции-статьи и речи, посвященные А. С. Пушкину. Особенный интерес Спасович испытывал к тому периоду в мировоззрении и творчестве поэта, который принято называть «байроническим». Его анализу Спасович посвятил лекцию-статью «Байронизм Пушкина» (1888). Анализируя эстетическое влияние английского поэта на творчество Пушкина 1820-х гг., он исследовал не столько частные случаи литературной рецепции, сколько национальные особенности русского романтизма в европейском контексте.

Спасович рассматривал любое литературное явление в связи с конкретной исторической эпохой. Но в отличие от многих представителей культурно-исторической школы, он понимал под действительностью не только социальные и политические обстоятельства, но и характерные для данной эпохи представления о мире и человеке. Поэтому во всех своих литературно-критических работах Спасович пытался вскрыть связь между объективно обусловленным мировоззрением, преобладающим в обществе, и авторскими политическими и философско-эстетическими взглядами. Именно поэтому в Речи о Пушкине 1887 г. Спасович высказал мнение, что поэта, творившего в 1820–30-е гг., «покоробило бы от нашей приземистой положительности, от нашей сухой и несколько черствой деловитости» и «его бы могла оттолкнуть наша демократическая грубость» [4, с. 344]. Но в то же время он назвал Пушкина «могучим художественным выразителем господствующего чувства *своего* (курсив мой. – М. Ч.) времени» [4, с. 345]. Для первой четверти XIX в. таковым «поветрием» являлся романтизм Дж. Г. Байрона, «властителя дум» целой эпохи.

В истории русского байронизма Пушкину справедливо отводилось приоритетное значение. Во всех исследованиях, посвященных вопросу «Пушкин и Байрон», отмечалась вдохновляющая роль «Корсара», «Дон-Жуана» и «Чайльд-Гарольда». Действительно, под влиянием поэм Байрона Пушкиным были написаны и «Кавказский Пленник», и «Бахчисарайский фонтан», и «Цыганы». Даже в «Евгении Онегине» встречаются прямые реминисценции из произведений Байрона.

Однако Спасович был далек от того, чтобы подсчитывать лишь типологические черты в творчестве обоих писателей. Влияние или заимствование, всякое «отражение», Спасовича как историк литературы, анализировал в контексте и объективных, и субъективных обстоятельств, среди которых немаловажную роль отводил фактам частной жизни и даже некоторым психологическим свойствам личности автора.

Свой метод исследования Спасович определил как «сопоставление его (Пушкина. – М. Ч.) произведений, нам известных, и чувств, нами ощущаемых при чтении этих произведений, с личностью поэта, с известными нам биографическими данными, раскрытием стоящего за произведениями живого лица со всеми его доблестями и слабостями, с его темпераментом и характером» [4, с. 344]. В качестве источников своих исследований, помимо пушкинских произведений, Спасович использовал «Материалы для биографии А. С. Пушкина» П. В. Анненкова, письма поэта и воспоминания современников, а также описание его рукописей, составленных В. Е. Якушкиным. Профессиональный юрист, Спасович основывал литературно-критические суждения на фактах, подтвержденных документально.

Спасович понимал «байронизм» и как общественное явление, и как «умственное настроение», обусловленное конкретно-историческими обстоятельствами. Он называл Дж. Г. Байрона «сыном века», сыном своей эпохи, видел в нем выразителя «настроения» людей его поколения, разочаровавшихся во Французской революции XVIII в., которая жестокостью дискредитировала свои гуманистические стремления.

В то же время Спасович называл английского поэта «знаменосцем либерализма», до конца жизни сохранившим верность идеалам Просвещения. А пессимизм, мизантропию и эгоизм Байрона он считал реакцией на невозможность воплощения этих идеалов в жизнь: «Верный сын XVIII в., Байрон не пожертвовал ни одним из идеалов этого века, <...> но так как они еще до него были втоптаны в грязь и опошлены, то Байрон вымещает свое негодование за это осквернение идеалов на всем роде человеческого» [3, с. 7].

В работе «Байронизм Пушкина» Спасович подчеркивал, что Пушкин принадлежал другому миру и другой эпохе: «Тоска и разочарование Пушкина произошли не от неудач и провалов в русской и европейской общечеловеческой ответственности» [3, с. 12]. В творчестве Пушкина «бурных годов молодости» Спасович усматривал лишь отражение его «неустойчивых политических убеждений» [3, с. 11]. Сопоставив произведения Пушкина 1820-х гг., критик обратил внимание на отсутствие в них «объединяющей идеи», позволяющей судить об общественных взглядах их автора. В стихотворении «Деревня» Спасович отметил, с одной стороны, либеральные призывы к отмене крепостного права, утверждение внесловной ценности человека, а с другой, – упование на государя и монаршую волю («...рабство падшее по манию царя»). В послании «К Чаадаеву» («Любви, надежды, тихой славы...») и оде «Вольность» Пушкин выражал конституционно-монархические взгляды, а стихотворение «Кинжал» наполнил свободолюбивым

пафосом. Но уже в 1823 г., как утверждал Спасович, Пушкин усомнился в целесообразности борьбы за «общее благо» и с прискорбием констатировал, что «мирные народы» «не разбудит чести клич» [1. Т. 1, с. 215].

Для определения общественных взглядов Пушкина автор статьи использовал заимствованное у А. Мицкевича понятие «байронствующий», что означало «одержимый духом своего любимого автора» [3, с. 18]. Однако эта «одержимость» была свойственна поэту лишь в период его «юношеского героизма».

Самому Спасовичу были понятны эти романтические устремления. В свое время, вдохновленный возвышенными призывами оды Мицкевича «Молодость», гимназист Спасович клялся посвятить свою жизнь борьбе за независимость Польши, что, однако, не помешало ему впоследствии сделать блестящую адвокатскую карьеру в Петербурге. «У каждого из нас была такая пора в жизни, когда он смотрел титаном, готовым весь мир объять, пересоздать и превратить в земной рай. Потом пора эта проходит: титан возвращается к обыденным занятиям и становится добродушным филистером, самым усердным и аккуратным чиновником», – признавался Спасович, выступая на судебном процессе по так называемому «нечаевскому делу» (1871) [5, с. 242]. Поэтому перемены в пушкинском мировоззрении он расценивал не как измену вольнолюбивым идеалам, а как закономерный процесс взросления: «Чем больше мужал и входил в лета Пушкин, тем более он степенился, становился положительным, консервативным человеком в политике, чуждающимся фрондерства» [2. Т. 2, с. 268–269].

Для монархических убеждений Пушкина Спасович находил более прочные основания, чем для его «байронических настроений». Отдельные высказывания в «Записках», «Родословной моего героя», некоторых строфах «Евгения Онегина» позволяли критику считать, что с русским государем и монархическим государством Пушкина связывало и происхождение столбового дворянина, и древняя история рода, и, наконец, обучение в Царскосельском лицее. «Я в нем усматриваю весьма значительный элемент проникающей его насквозь русской государственности того времени, который хотя и не заметен на первый взгляд, но сильно повлиял на его жизнь и отчасти определил весь ход, все эволюции его поэтического творчества», – отмечал Спасович в речи «По случаю столетней годовщины рождения А. С. Пушкина» (1899) [2. Т. 9, с. 375].

Таким образом, ни исторических, ни социальных причин для появления у поэта «байронических настроений» в их радикальной форме Спасович не находил. Именно поэтому он сделал вывод, что следует говорить не об этическом, а эстетическом влиянии байронического романтизма на творчество Пушкина.

Список литературы

1. Пушкин, А. С. Собр. соч. в 10 т. / А. С. Пушкин – М. : Художественная литература, 1974–1978.
2. Спасович, В. Д. Собр. соч. в 10 т. / В. Д. Спасович – СПб. : Бр. Рымович, 1889–1902.
3. Спасович, В. Д. Байронизм у Пушкина / В. Д. Спасович // Байронизм у Пушкина и Лермонтова с приложением краткой биографии лорда Байрона, составленной Богданом Степанцем – Вильно : Северо-западное книгоиздательство, 1911. – С. 1–39.
4. Спасович, В. Д. Избранные труды и речи / В. Д. Спасович – Тула : Автограф, 2000. – С. 343–346.
5. Чернова, М. С. «Что считать за правду»: В. Д. Спасович и Ф. М. Достоевский о так называемом «нечаевском деле» / М. С. Чернова // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна. – № 1. – 2010. – С. 47–55.